В. А. БУЛКИН

Древнерусское зодчество в оценке летописи

Сообщения летописей о строительных начинаниях, как правило, предельно лаконичны. Это объясняется прежде всего тем, что летопись по своей жанровой природе тяготеет к объективной констатации фактов в форме записи, а не рассказа.¹ В большинстве случаев речь ведется об отдельных постройках, реже о совокупности зданий, приписываемых инициативе одного заказчика, но никогда не затрагивается зодчество как сфера деятельности в целом. Напрасно было бы искать в летописных известиях указания на общие закономерности развития архитектуры или систему архитектурных понятий в современном смысле. В летописи запечатлен определенный уровень знаний и оценок, который может рассматриваться лишь как далекая предыстория науки о зодчестве, обладающий вместе с тем своего рода целостностью и своеобразием.

Регулярные записи о строительстве встречаются в летописях с конца X в. С принятием христианства резко возросла общественная значимость культовых зданий. Заняв первостепенное место в городском ансамбле, первые каменные храмы поражали воображение необычностью форм и грандиозностью. С этого времени без них невозможно представить образ города. Показателем высокого престижа каменного, прежде всего культового, строительства в условиях массовой деревянной застройки и явилось постоянное внимание к нему летописцев.

Уже в первой половине XI в. складывается стереотип летописной записи о строительстве. В ней отмечается название постройки, дата и место закладки, часто материал, иногда заказчик и лишь в исключительных случаях упоминается имя зодчего. Большее или меньшее число подробностей такого рода не меняет характера записи, которая несет информацию, не имеющую прямого отношения к архитектуре здания как таковой. Сообщения такого типа, не содержащие описания и оценки, представляют большой интерес для историка, но почти ничего не дают искусствоведу и эстетике.

Среди записей подобного характера встречаются и такие, в которых за счет перечисления красочных деталей, не относящихся непосредственно к архитектуре, создается, однако, представление о значительности здания. Андрей Боголюбский, завершив в 1160 г. строительство Успенской церкви во Владимире, «украси ю дивно многоразличными иконами и драгим камением без числа, и ссуды церковными и верх ея позлати, . . . и украси ю паче инех церквей».² Престиж храма подчеркнут перечислением княжеских пожалований: «И да ей много имения и свободы купленья и з даньми, и села лепшая, и десятины в стадах своих, и торг десятый».³ Здание в этом случае хотя прямо и не описано, но в воображе-

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 260—261.

² ПСРЛ, т. I. Л., 1926, с. 351.

³ Там же, с. 348.

нии читателя возникает нечто похожее на его торжественный ореол. Описание, точнее его приподнятый тон, воссоздает атмосферу праздничного воодушевления, которое сопутствует восприятию подлинного искусства.

Нет непосредственного описания постройки и в похвальном слове смоленскому князю Давиду Ростиславичу, строителю церкви Михаила Архангела на Смядыни, «ю же бе сам создал во княженьи своем, такое же несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивится изрядней красоте ея, иконы златом и серебром, и жемчугом, и камением драгим украшены, и всею благодатью исполнена».⁴ Очевидно, что художественные особенности здания не проходят мимо сознания летописца, показательно, что храм выделен из ряда ему подобных, но, выражая свое впечатление о нем, летописец словно сознательно избегает каких-либо упоминаний о сугубо архитектурных деталях, зато с подчеркнутой пунктуальностью перечисляет дорогие украшения. За восхищенной оценкой постройки совершенно неразличим ее конкретный облик.

Несомненную эстетическую окрашенность имеет сообщение о сооружении Петром-Милонегом в 1199—1200 гг. подпорной стены в Выдубицком монастыре. Восторг летописца вызывает и замысел постройки, и дерзновенность строителя, и сама стена, восхитившая киевлян. Здесь и панегирик князю-строителю, и гордость современника столь выдающегося деяния, и восторженное удивление невиданным сооружением. Однако в сообщении нет ни малейшего намека на конкретные особенности постройки. Пространность сообщения и его приподнятый тон сами по себе служат указанием на высокую значимость сооружения в глазах летописца, хотя вызвавшая их побудительная причина вовсе не обязательно сводится лишь к художественным достоинствам здания. В этом и других подобных случаях за эстетической окрашенностью текста проступает не только стремление средствами словесного искусства прославить князя-строителя, но и религиозное воодушевление, для которого в конечном счете исходный повод (в данном случае архитектурные особенности реальной постройки) не так уж и важен. Сообщения, в которых конкретный облик здания как бы растворяется в восторженной оценке, могут быть и предельно краткими. Так, о сгоревшем в 1160 г. Успенском соборе в Ростове сказано, что церковь была «только чудна, якова не бывала и потом не будет»,⁵ а о церкви Бориса и Глеба в Новгороде — «горазда бо баше и лепа».⁶

Архитектурные особенности здания упоминаются, а тем более описываются нечасто. Повествуя о строительстве князя Даниила в Холме («созда же церковь св. Ивана красну и лепу»), летописец не только подробно рассказывает об интерьере, но и пробует описать конструкцию и венчающие части церкви: «Здание же ее сице бысть: комары четыре, с каждого угла перевод и стоянье их на четырех головах человекских».⁷ Отмечается основательная перестройка в 1185—1189 гг. Успенской церкви во Владимире при князе Всеволоде («пристави к ней четыре верхи и позлати ю»),⁸ так же как и особенности первоначального собора «о едином версе», заложенного при Андрее Боголюбском.⁹

Итак, в домонгольское время сообщения летописей о строительстве отличаются краткостью описаний и общим характером оценок. Если иметь в виду каменное строительство, то объяснить это можно отчасти новизной предмета, необычностью и неразвитостью терминологии. Нужно принять во внимание и присущую архитектурному образу абстрактность, тот осо-

⁴ ПСРЛ, т. II. М., 1962, с. 703—704.

⁵ ПСРЛ, т. XV. Пг., 1922, с. 115.

⁶ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 57.

⁷ ПСРЛ, т. II, с. 843.

⁸ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 77.

⁹ ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, с. 310.

бый характер выразительности, который трудно поддается словесной фиксации, особенно если учесть свойственную древнерусскому летописцу конкретность видения и изложения. И все же основную причину надо искать в другом. Ведь сообщения о деревянном строительстве ничем принципиально не отличаются от вышеприведенных, хотя традиция деревянного дела на Руси уходила в глубокую древность, строительство было массовым и терминология наверняка отличалась детальной разработанностью и устойчивостью.

Вероятнее всего, подробное описание здания и его развернутая оценка не входили в задачу летописца. Строительство, как известно, велось по определенному образцу. Храм, подобно иконе, которую также в случае необходимости не описывали, а просто называли, казался заведомо данным, найденным в основных композиционных и образных особенностях. Центральным звеном архитектурной композиции был, как правило, крестовокупольный храм на четырех опорах. Даже типологически несходные с ним, например бесстолпные храмы, по внешнему виду не выпадали из привычного образного ряда. В слове «церковь» для древнерусского человека, надо полагать, концентрировался более определенный, чем ныне, близкий к стереотипу архитектурный образ, который не нуждался в особом разъяснении. Отклонения, связанные с размером, иным пропорциональным строем, вариантами дополнительных пристроек и декором, воспринимались как комбинации ранее известных форм. Поэтому даже постройка, выдающаяся своими художественными достоинствами, но не выходящая за пределы известного типологического и образного ряда, отмечалась не подробным описанием, а краткой оценкой.

Д. С. Лихачев однажды уже отметил, что детальное описание произведения искусства лишь тогда входило в задачу древнерусского человека (в статье речь шла о новгородцах), когда приходилось рассказывать о памятниках далеких стран.¹⁰ Описанием подчеркивалась значительность погибшего или разоренного здания.¹¹ Внешний облик местных сооружений в обычное время особого внимания не привлекал: описывать то, что находилось у всех на виду, казалось, вероятно, делом излишним, поэтому внимание обращалось лишь на такие детали, в которых сочеталось высокое искусство исполнения с поражающей воображение красотой материала и его дороговизной. В таких деталях (икона, оклад, драгоценные камни, позолота) в опредмеченном виде выступали не только щедрость и благочестие заказчика, но и замечательное искусство мастеров, в них зримо овеществлялась религиозная и, шире, общественная ценность строительного деяния. Дорогие украшения интерьера обычно венчали строительное начинание большого размаха, осуществлявшееся с привлечением самых лучших мастеров. Поэтому упоминание о великолепии внутреннего убранства может рассматриваться и как косвенное указание на архитектурное достоинство здания.

Заметим, что, перечисляя предметы внутреннего убранства, летописец вовсе не ставит целью описать интерьер. Упоминаемые предметы представляют для него ценность сами по себе, вне связи с архитектурным пространством и друг с другом. Назвать и перечислить — таково в данном случае правило. Принцип связи между предметами и его художественный смысл не затрагиваются.

Когда же в поле внимания летописца попадает постройка в целом, то чаще всего отмечается ее размер, причем, как показал Н. Н. Воронин, эпитетом «великая» и близкими ему подчеркивалась не столько обширность, сколько высота здания.¹² В этом проявилась характернейшая черта древнерусского архитектурного мышления — пристрастие к высотной

¹⁰ Д. С. Лихачев. Памятники искусства в литературе Новгорода. — В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 52.

¹¹ ПСРЛ, т. II, с. 842—845.

¹² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962, с. 219.

композиции. Она проявилась не только в создании башнеобразных храмов в конце XII—начале XIII в., каменных шатровых сооружений в XVI—первой половине XVII в., ярусных церквей конца XVII—начала XVIII в., но и в выборе высокого места для построек обычного типа, особенностях деревянных церквей, подчеркнутом вертикализме новгородских храмов начала XII в. Сказалась эта черта и в оценках зодчества.

Этим же, возможно, объясняется и то особое внимание к венчающим частям здания, которое проглядывает иногда за краткими записями о строительстве, и тот основной признак, который позволяет летописцу классифицировать однотипные сооружения. Храмы различаются прежде всего по числу глав («верхов»). Так, новгородский храм Софии 989 г. характеризуется тем, что имел 13 верхов; числом глав различаются в «Житии Бориса и Глеба» деревянные храмы XI в. в Вышгороде; перестроенный в 1189 г. Успенский собор во Владимире своим пятиглавием противопоставляется одноглавому собору 1160 г. По числу глав различаются храмы в «Списке русских городов дальних и ближних».

Распознавание однотипных построек по числу глав кажется велением здравого смысла и не включает в себе на первый взгляд ничего своеобразного. Но соотношение этой особенности восприятия архитектурного сооружения со строительной практикой позволяет увидеть в таком различии нечто характерное. Известно, что первые каменные храмы Руси отличались от византийских построек прежде всего пирамидальностью композиции и многоглавием. В этих особенностях отчетливо обозначились те конкретные требования, которые были поставлены перед зодчими русским заказчиком. В них сказались своеобразные представления о красоте здания, определенность архитектурного выбора и в целом — художественная воля заказчика. Исключительным многообразием венчающих частей храмов отмечен и дальнейший путь развития древнерусского зодчества, особенно в XVI—XVII вв. Поэтому повышенное внимание летописца к «верхам» можно рассматривать как проявление той же особенности художественного мышления, которая на практике приводила к созданию высотных построек с оригинально решенным завершением. В этом — своего рода единство архитектурной «теории» и строительной практики.

Пространных описаний архитектурных построек летопись, как правило, не дает и в послемонгольское время. Но с конца XV—начала XVI в. в условиях интенсивного строительства обнаруживается все более пристальный интерес к зодчему и его искусству. Мы остановимся только на двух примерах. Прежде всего, это подробные записи о строившемся в 1475—1479 гг. Успенском соборе в Москве. Исключительное внимание проявляет летописец к личности Фиораванти, техническим приемам, которыми тот пользуется, плановым, конструктивным и образным особенностям возводимого собора. И процесс строительства и его результат охарактеризованы в летописи с невиданной полнотой, подчеркнутой заинтересованностью и даже, можно сказать, вдохновением. Московский летописец в сильных и прочувствованных выражениях не столько описывает, сколько воспевает построенный Фиораванти храм: «Бысть же та церковь чудна велии величеством и высотой, светлостью и зъвоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опроче Владимирская церкви, видети бо бяже ея мало оступив кому, яко един камень».¹³ Со знанием архитектуры прошлого летописец ставит Успенский собор в один ряд с самой грандиозной и самой прославленной постройкой Северо-Восточной Руси — Успенским собором во Владимире. Архитектурные особенности, которые раньше в лучшем случае только назывались, активно и очень глубоко переживаются автором. При этом эстетический смысл, ранее сконцентрированный в словосочетании «велии чудна», раскрывается посредством целого ряда оригинальных, по-настоящему

¹³ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 324.

архитектурных понятий. Смысловые оттенки каждого из них достойны самостоятельного изучения.

Другой пример необычайно подробного рассказа о возведенном храме дает новгородская летопись. Под 1535 годом в ней помещена пространная запись о постройке церкви Григория Армянского, до наших дней не сохранившейся. Помимо обычных сведений о месте, дате сооружения и названии храма отрывок содержит обширную информацию о предыстории постройки, дается ее описание, из которого можно заключить о типе сооружения, его размерах, венчающих частях и т. д. Подробно сказано о заказчиках, указаны источники финансирования и стоимость работ, поименована строительная артель и назван главный мастер.¹⁴

В июле 1981 г. на территории монастыря были проведены археологические раскопки, позволившие проверить достоверность сообщаемых об архитектуре храма сведений.¹⁵ Совершенно точно указано его местоположение. Храм сохранился по большей части на уровне фундаментов, и поначалу казалось, что сообщение летописи о восьмигранном основании неверно, потому что фундаментная часть имеет отчетливо выраженную ротондальную форму. Однако в дальнейшем выяснилось, что круглая фундаментная часть несла наземную постройку восьмигранной формы. Большой интерес вызывало сообщение летописи об окольной стене вокруг церкви. Раскопки подтвердили, что вокруг основного объема была возведена галерея, вторившая своей формой центральному столпу, т. е., как и сказано в летописи, «имея углов восемь». Галерею летописец и наименовал «окольной стеной», пользуясь, надо полагать, привычным для каждого новгородца понятием. Раскопки подтвердили достоверность летописного текста не только в целом, но и в деталях. Автор XVI в. писал более пространно, но так же правдиво и точно, как и его предшественники.

Что касается оценочных суждений, то они следуют давнему стереотипу. О церкви сказано, что она «велми чудна, яко таковыя несть делом в Новгородской области . . . велми чудно и лепо видети». И здесь интересно уточнение историко-архитектурного порядка, благодаря которому памятник выступает на фоне сооружений только новгородского зодчества. Эстетическое отношение к описываемому зданию проявляется не только в приведенных выше стандартных выражениях, но и в общей приподнятости тона и стиля повествования, хотя новгородский летописец оказывается в этом отношении более сдержанным и более приверженным традиции, чем его московский собрат по перу. Так, возведенный почти одновременно с хутыньским столпом знаменитый храм Вознесения в Коломенском (1532 г.) охарактеризован гораздо более эмоционально, в выражениях, близких тем, которыми летописец оценил Успенский собор.

Необычайно подробные описания двух храмов Москвы и Новгорода свидетельствуют о характерном для конца XV—начала XVI в. обостренном интересе к реальности, в частности к архитектуре. В известной мере аналогией такого рода описаниям может служить живопись XVI в. с ее интересом к нецерковным темам и стремлением по возможности полно и подробно проиллюстрировать текст. Нарастающий интерес к действительности в разной степени проявлялся в различных видах искусства. Пусть замедленно и не всегда последовательно, но в культуре XVI в. постепенно накапливались элементы, которые позже оформились в реалистическую тенденцию. Особое внимание к памятникам архитектуры — одно из проявлений светского начала в развитии древнерусской культуры. В пределах этой общей тенденции новгородцы и москвичи сохраняли своеобразие в подходе к зодчеству, причины которого коренятся в историко-культурных традициях этих городов.

¹⁴ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 296.

¹⁵ Работы были проведены экспедицией кафедры истории искусства ЛГУ и ЛОИИИИ археологии АН СССР (рук. В. А. Булкин) при участии архитектурной группы Новгородских реставрационных мастерских (рук. Г. М. Штендер).